

У истоков советского бюрократизма (по материалам судебной и следственной практики в Сибири в 1928–1929 гг.)*

А.П. УГРОВАТОВ, кандидат исторических наук, Новосибирский юридический институт, филиал Томского государственного университета. E-mail: info@n_i.ru

В статье по материалам судебной и следственной практики в Сибири в 1928–1929 гг. приводятся документальные свидетельства административного произвола против сельского учительства. *Ключевые слова:* учитель, чиновник, административный произвол

В 1928–1929 гг. в Сибирском крае был широко распространен административный произвол: представители районных и сельских органов власти, нередко малограмотные и бескультурные, подвергали гонениям и травле образованных, интеллектуально развитых и независимых молодых советских специалистов, в первую очередь учителей сельских образовательных учреждений, не подчинявшихся их персту указующему.

Сельский учитель в 1920-е гг., особенно в 1928–1929 гг., был передовым борцом со всем темным и отжившим в деревенском быту.

Педагог Киселевской школы Болотнинского района Томского округа Солдатова приняла в школу 1-й ступени 66 учеников и занималась с ними по 9 часов ежедневно. Кроме того, учительница организовала группу неграмотных из 12 чел., и все они научились читать и писать. Крестьяне предложили учительнице компенсировать ее сверхурочный труд, но педагог отказалась. Вместо этого она попросила крестьян на эти деньги создать коллективный школьный огород – крестьяне охотно приняли предложение. Огородили участок земли, вспахали его и вместе со школьниками посадили картофель и другие овощи. На средства, полученные осенью от реализации выращенной продукции, педагог приобрела учебные пособия для школы. Солдатова активно участвовала в проведении общественно-политических кампаний в деревне:

в хлебозаготовках, распространении займов, смотре ячеек ОСОАВИАХИМа (предшественник ДОСААФ)¹.

Но местные партийные и советские чиновники красобан-дитскими методами (грубым администрированием, бюрократизмом, разнузданностью, формализмом и т.д.) осложняли продуктивную работу таких педагогов, убежденных в необходимости вытаскивать население России из болота бескультурья, и даже мешали их нормальной жизни и быту.

Во второй половине 1928 г. в Гутовском районе Новосибирского округа райисполком уволил без видимого повода 9 учителей и перевел в другие школы еще трех. В Бердском районе сократили подобным образом 29 педагогов. Аналогичные факты гонений школьных преподавателей были зарегистрированы и в других округах края. В Барабинском округе бюрократы изгнали из учебных заведений за 1928 г. 50 работников просвещения. И эти кричащие цифры – всего 149 человек по Сибирскому краю – были далеко не полными².

Под массовые увольнения педагогов наиболее часто подводились левацкие мотивы. Председатель Боготольского райисполкома не раз заявлял: «Увольнение учителей группой нужно для того, чтобы создать впечатление на “антисоветскую нечисть”, дать ей почувствовать диктатуру пролетариата и заставить быть советскими работниками»³. Нередко работники райисполкома использовали нелепые мотивы, основанные на сплетнях малограмотных обывателей об учительстве.

С точки зрения районных властей, антисоветские настроения у преподавателей проявлялись весьма любопытно: один педагог религиозен, так как на шее золотая цепочка, значит, под одеждой носит крест; второй учитель якобы служил попом, и оба находились в составе колчаковской армии (чего на самом деле не было); третий преподаватель обвинялся в половой распущенности, так как до свадьбы ухаживал за коллегой и дарил ей цветы; ожидавшую ребенка женщину-педагога обвинили в пьянстве, так как на уроке ей стало плохо. Когда

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект 12–01 00224а).

¹ Красное знамя. Томск.– 1929.– 17 июня.

² Просвещение в Сибири – 1928. – № 9. – С. 11 – 12; 1929. – № 5. – С. 82; Советская Сибирь.– 1928.– 7 июля; ГАНО. Ф. П–2. Оп.2, Д.292, Л.72.

³ Советская Сибирь.– 1928.– 9 августа.

очевидные глупости ставились под сомнение, районные бюрократы возражения и протесты встречали в штыки, заявляя, что только они «хорошо знали жизнь преподавателей и говорили истинную правду»⁴.

Издавательства над просвещенцами принимали порой изощренный характер. Возмутительный случай произошел в Бийском округе с преподавателями Сузунской школы Боковым и Радыгиной. Постановлением местного комитета (МК) союза «Работников просвещения» первого педагога с «общественным» осуждением изгнали из профсоюза. Преступление учителей состояло в том, что они осмелились явиться в райисполком за зарплатой. Заместитель председателя Киреев и заведующий финансово-хозяйственной частью исполкома Малько «указали» на «возмутительное поведение» педагогов, оторвавших «высокое районное начальство» от важных государственных дел ради такого ничтожного повода. После этого Малько и Киреев оскорбили учителей и выставили на улицу без денег. Боков вполне обоснованно назвал чиновников бюрократами и написал жалобу в МК профсоюза. Зарплату педагогам выдали, но через некоторое время к Бокову приехала милиция и составила протокол об административном правонарушении. Обвинялся учитель в халатном отношении к своим обязанностям. Он якобы не воспрепятствовал появлению в школе собаки, которая съела хлеб у учеников, а лошадь педагога бродила непривязанной по двору школы и отвлекала учащихся от занятий.

Но главным стало обвинение в дискредитации районной «головки» и, в первую очередь, председателя райисполкома Коваля. Как тот оказался на сцене событий – из документа не видно. Но появление этой фамилии и милицейского протокола вызвали указанные выше санкции месткома. А это был серьезный удар по социальному положению просвещенца. Между тем Боков считался в районе опытным педагогом и хорошим общественником⁵.

В 1928 г. Барабинский окружной отдел народного образования подготовил и направил председателям райисполкомов «образцовый» план похода на учителей, основанный на

⁴ ГАНО. П–2, Оп.7, Д. 501, Л. 14.

⁵ Советская Сибирь.– 1928.– 29 ноября.

грубейших нарушениях советской законности. В целях проведения чистки преподавательского состава школ увольнять педагогов следует «исподволь», а не в порядке «ударной кампании», дабы не создавать массового недовольства. Первоначально предлагалось изгонять «слабых» преподавателей. Но кого считать таковыми – в циркуляре не раскрывалось, что давало широкие возможности для произвола. Отчислять нежелательных педагогов следовало уже с 1-го апреля 1928 г., чтобы не платить заработную плату и отпускные за 5 месяцев до 1-го сентября.

Такие гонения на просвещенцев позволяли избавиться от неугодных и наказать их рублем. Этот безобразный циркуляр был отменен после жесткого вмешательства Президиума Сибирской контрольной комиссии ВКП(б) – Рабоче-крестьянской инспекции (СибКК–РКП(б)). Тем не менее 50 учителей оказались без работы и средств к существованию⁶.

Особенно люто ненавидела местная полуграмотная чиновничья братия тех просвещенных и энергичных молодых людей, кто решительно боролся с недостатками в работе государственных и общественных организаций.

Педагог Манкевич из школы Рубцовского участка Омской железной дороги, будучи рабкором, систематически писал критические заметки о недостатках в работе администрации в краевую газету «Советская Сибирь», окружную «Степной пахарь» и стенгазету. Для начала его уволили с формулировкой за «моральное разложение школы», а затем исключили из профсоюза. После появления заметки Манкевича в «Советской Сибири» о злоупотреблениях руководства дороги, игнорировании кампании о «критике и самокритике» и прочих действиях чиновников, в частности снижениях заработной платы, предупреждения и угрозы рабкору нарастали: «Брось рабкорство, худо будет. Парень ты хороший, но с большой головой. Зачем с газетой связался?». Но поскольку Манкевич не поступался принципами, его посадили в тюрьму, где он просидел семь месяцев. Все обвинения сводились к тому, что рабкор придумывает мнимые и раздувает мелкие недостатки. Других показаний, порочащих Манкевича, не было.

⁶ Советская Сибирь.– 1928.– 7 июля; ГАНО Ф.П.– 2, Оп. 7, Д. 501, Л. 14.

Суд оправдал учителя, но сведений о восстановлении педагога на работе в школе и в профсоюзе и о наказании местных его гонителей в источнике нет⁷.

Преследования педагогов нередко приводили к трагедиям. 7 сентября 1928 г. покончила жизнь самоубийством Ого-родникова – учительница школы в райцентре Алексеевском Новосибирского округа. Причиной суицида стала ее травля со стороны председателя месткома и председателя райисполкома на почве разногласий по поводу ведения профсоюзной работы в учительской среде и защиты интересов педагогов. Чтобы избавиться от беспокойного преподавателя, «высокое» районное начальство назначило Огородникову заведовать школой в пос. Савский – самом глухом и далеком месте района. По отзывам всех учителей, эта чрезвычайно трудная работа была совершенно непосильна для молодой учительницы. По факту самоубийства прокуратура проводила проверку, но итоги ее неизвестны⁸.

Крайне редко в архивах попадают документы, которые проливают свет на мотивы поведения местного сибирского начальства. В Тальменском районе Барнаульского округа райисполком в 1928 г. осуществил серию увольнений педагогов местных школ с целью заменить их близкими родственниками работников исполкома. Некоторые другие районные исполкомы в округе создали особые комиссии, наметившие массовое увольнение и перемещение учителей. Но благодаря своевременному вмешательству по партийной линии и окружной прокуратуры комиссии распустили и списки уничтожили⁹.

В середине 1928 г. краевому прокурору Сибири поступили сведения из многих окружных прокуратур о возбуждении уголовных дел по фактам принуждения учительниц к вступлению в половую связь с районными работниками и увольнении их в случае отказа¹⁰.

Преподаватель Кирьянова проработала в школе в с. Спасское Убинского района Барабинского округа три года без

⁷ Советская Сибирь.– 1928.– 12 сентября

⁸ ГАТО. Ф. 804, Оп. 1, Д. 70, Л. 2.

⁹ Просвещение Сибири.– 1928. – № 9.– С. 12–13; ГАНО. Ф. Р–47. Оп.1. Д. 696. Л. 83; ГАТО. Ф. 804, Оп.1, Д. 70, Л. 2.

¹⁰ ГАОО. Ф. 1199, Оп.1, Д. 17, Л. 63.

замечаний. Член райисполкома Турутин долгое время преследовал ее нежными письмами. Райисполкомовский волокита писал: «Не согласен удовлетворяться наглядностью запретных плодов» и продолжал, что ждет решительное «документальное слово». Поскольку слова не последовало, Кирьянову уволили по решению райисполкома. Расценочно-конфликтная комиссия (РКК) подтвердила «правильность» увольнения учительницы. Интересы района на заседании РКК представлял сам Турутин. Несмотря на то, что Инспекция труда отменила постановление РКК и предложила повторно разобрать заявление Кирьяновой, РКК более месяца не разбирала дело. Учительница обратилась с жалобой в краевой отдел образования, который передал дело в суд, но его решение не найдено¹¹.

В Воронцовском, Верх-Чебулинском, Ижморском и других районах Томского округа многих учительниц сельских школ принудили стать наложницами районных работников. Явление носило массовый характер, особенно в периоды беспробудного пьянства. Районные партийцы во время командировок систематически навещали учительниц. Дело поставили так, что преподавательницы свою работу в школе не мыслили без обязательного, против их воли, сексуального общения с руководящими работниками района. Половую распущенность в районах считали простительной шалостью, на которую сквозь пальцы смотрели окружные организации. Правда, Томский окружной суд приговорил Воронцовского председателя райисполкома к четырем, заведующего районным культпросветом – к пяти годам лишения свободы, еще одного подсудимого освободили от занимаемой должности¹².

Далеко не все учителя, особенно молодые женщины, выдерживали безобразные преследования со стороны ответственных

работников. В 1929 г. покончили с собой 19 учителей, в том числе в Иркутском округе – 12 и в других округах Сибири – еще семь. Далеко не все случаи суицида стали объектом проверок и расследований для выяснения причин, приведших к ним¹³.

¹¹ Красное знамя. Томск.– 1928.– 7 июля.

¹² Советская Сибирь.– 1928.– 28 июня; Красное знамя.– 1928.– 12 августа, 19, 21, 23 и 24 октября.

¹³ ГАНО. Ф. П–2, Оп. 2, Д. 436, л. 264–265.

Учительство в регионе не выдерживало чиновничьего отношения и покидало сельскую местность. Из-за произвола риковских самодуров 25 учителей школ Яминского района Бийского округа летом 1928 г. подали заявления в окротдел народного образования о переводе их на работу в другие районы округа, подальше от произвола местных «начальников»¹⁴.

Все это подрывало авторитет учителей в глазах населения, унижало их. Учительство замыкалось в своей среде, уклоняясь как от общественной работы, так и от помощи крестьянам и обывателям поселков в переустройстве сельского хозяйства на новый лад. Запутавшись в своих взаимоотношениях с женской частью педагогических коллективов, ответственные работники районов не смели требовать общественной работы от учительниц.

Приведенные случаи произвола в отношении учительского состава вызвали реакцию краевых властей. Совещание секретарей партколлегии при СибКК ВКП(б) 14 марта 1928 г. предложило контрольным комиссиям и парторганам «усилить фронт борьбы... с а) пьянством, переходящим в групповое явление... б) с половой распущенностью, когда члены партии используют свое положение начальника к подчиненной служащей или работнице»¹⁵. В июле 1928 г. краевой комитет ВКП(б) предложил всем окружкам партии «немедленно расследовать случаи массовых увольнений или перемещений учителей, привлекая к ответственности виновных в нарушении соответствующих директив партии»¹⁶.

Было опубликовано постановление СибКК ВКП(б) о согласии с решением Ачинской окрКК по поводу снятия с работы председателя Боготольского райисполкома, райинспек-тора отдела народного образования, председателя райместко-ма профсоюза работников просвещения, допустивших извращение партийной линии в вопросе отношения к учительству (массовое увольнение учителей, невнимательное отношение к их настроениям и запросам)¹⁷.

¹⁴ Советская Сибирь.– 1928. – 29 ноября.

¹⁵ Известия Сибкрайкома ВКП(б). – 1928. – № 7/8.– С. 6.

¹⁶ Известия Сибкрайкома ВКП(б). – 1928.– № 13.– С. 7.

¹⁷ Известия Сибкрайкома ВКП(б).– 1928. – № 16.– С. 14.

Сибирский краевой прокурор Кунов по поводу травли учителей районными властями сделал следующее заявление: «Местным властям дано распоряжение о том, чтобы органы прокуратуры заострили внимание на ненормальном отношении к учительству, особенно когда они проявляются в форме гнусных предложений или преследований учительниц со стороны представителей власти. Преступники понесут тяжелые кары независимо от своего положения»¹⁸.

И кары последовали, но очень неубедительные. В г. Бара-бинск прокуратура отдала под суд председателя Убинского райисполкома Карцева. В Боготольском районе окружные власти сняли с работы председателя райисполкома Гуркова, инспектора района Беляева, председателя райместкома Волокитина, по партийной линии им были объявлены строгие выговоры. Красноярский окрисполком объявил выговор Новоселовскому райисполкому, уволенные педагоги восстановлены. В Гутовском и Бердском районах районные работники сами отменили свои постановления и открыто об этом высказались на собрании просвещенцев¹⁹. Необходимо отметить, что кары в отношении самодуров никак не соответствовали тяжести содеянного – это были взыскания по партийной либо служебной линии, перед судом они не предстали. И потому грубое администрирование в отношении педагогов продолжалось и в 1929 г.

По-прежнему во многих районах Сибири отношение к педагогическому составу школ определялось так: учительство – антисоветский, чуждый элемент. Местные чиновники открыто говорили, что учительство должно оправдать оказанное ему высокое доверие районного начальства. Упорно цепляясь за власть и должности, они не стеснялись пропагандировать свои дикие взгляды. Уполномоченный Кочневского райисполкома Кузнецов в пос. Масловский и дер. Славянка заявил: «Мы социализм построим без гнилой интеллигенции».

Попытки увольнения и переброски учителей продолжали наблюдаться в Иркутском округе. В Качугском районе районные власти выдворили с работы в школе 15 просвещенцев,

¹⁸ Советская Сибирь.– 1928. – 28 июня; Красное знамя. Томск.– 1928.– 8 июля.

¹⁹ Просвещение Сибири.– 1928. – № 19.– С. 13.

в Куйтунском районе – 9 педагогов. Подобные массовые изгнания с работы и переброски педагогов происходили в Ту-лунском и Балаганском районах. Случаи преследования и увольнения учителей в 1929 г. отмечались и в других районах Сибирского края: Ирбейском Канского округа – 12 чел., в Благовещенском Славгородского округа – 5 просвещенцев²⁰.

Отмеченные гонения во многом были связаны с позицией учителей-активистов в ходе хлебозаготовок 1928–29 и 1929–30 гг.: они задавали слабо подготовленным районным и сельским чиновникам острые вопросы о положении в стране и регионе, политике ВКП(б). Вызывали ярость независимость суждений педагогов, жесткая и обоснованная критика незаконных поступков местных чинов. Последние всеми силами пытались избавиться от надоедливых и инициативных людей, «мешавших» строить «новое»

общество на бюрократический лад.

В мае 1929 г. Бийский окротдел народного образования совместно с представителями Новиковского района расследовал факты гонений местными ответственными работниками и партийными авторитетами учителя Старо-Ажинской школы Протопопова. По его инициативе был лишен избирательных прав и исключен из компартии кулак Буймов, изгнан из ревизионной комиссии сельпо бывший священник религиозной секты «Адвентистов 7-го дня», подвергнута бойкоту злостная держательница хлебных излишков, член правления сельского потребительского общества Абрамова, разоблачены в окружной газете председатель сельпо и секретарь местной партячейки, которого затем исключили из ВКП(б) и арестовали. После избрания Протопопова председателем ревизионной комиссии сельпо он обнаружил растрату и бесхозяйственность в работе председателя сельпо.

Продуктивная общественная деятельность педагога очень не нравилась местным работникам. Местные власти, используя связи и служебное положение, пытались оклеветать учителя, обвинив в связях с кулачеством, нежелании проводить классовую линию в школе, участвовать в общественно-политических компаниях и т.д. Присланный для расследова-

²⁰ ГАНО. Ф. П – 2, Оп. 4, Д. 42, Л. 92; ГАНО. Ф. Р – 47, Оп. 1, Д. 696, Л. 92.

ния секретарь окружкома ВЛКСМ, наслушавшись председателя сельсовета и секретаря партячейки, обвинил Протопопова в подрыве авторитета Советской власти, компартии, местного сельсовета и ячейки. Учитель передал секретарю ок-ружкома комсомольский билет и послал в краевой совет профсоюзов телеграмму о помощи. Рядовые члены партии, бедняки и середняки села подтвердили комиссии окружного совета профсоюзов факты систематического преследования педагога и клеветы, возводимой на него. Окпрпрос направил материалы проверки для рассмотрения в прокуратуру²¹. Но итоги работы прокуратуры неизвестны.

Весной 1928 г. райисполком Тальменского района Барнаульского округа незаконно освободил от работы в школе, перебросил в другие места 14 педагогов, в том числе А.М. Ле-сикова, работавшего в с. Ключино. На освободившиеся места назначили учителями жену секретаря РК ВКП(б) Глотова и ее подругу. Глов и был инициатором перебросок педагогов. Этот «коммунист» пил с кем придется и в состоянии опьянения проводил заседания райкома ВКП(б), приставал к учительницам.

Была создана комиссия, которая после проверки признала увольнение педагогов незаконным. Эта комиссия РКИ работала в Тальменском районе в составе инспектора труда и представителя профсоюза работников просвещения, лиц компетентных и принципиальных. После тщательного расследования на месте комиссия пришла к выводам о неправильных действиях Глотова, и председатель райисполкома Стар-цева и огласила их на заседании райисполкома, предложив немедленно восстановить на прежней работе всех уволенных учителей, в том числе Лесикова. Но последовал протест Глотова, который начал травлю Лесикова. Попытки обращения учителя в редакции газет и разные высокие инстанции, в том числе в прокуратуру округа и райисполкомом, за защитой ни к чему положительному не привели. Наконец, Глов решил объявить его психически больным и доставить в райцентр Тальменка. В ответ учитель забаррикадировался в доме и грозился отстаивать свои права до конца. По требованию

²¹ Советская Сибирь.– 1929.– 23 мая.

Глотова начальник райотдела милиции направил в село своего сотрудника. Когда в доме учителя стали ломать ставни и двери, педагог оказал вооруженное сопротивление, но, убедившись в его безнадёжности, вышел из дома, держа в руках два револьвера, один из которых был неисправен. Увидев Ле-сикова с оружием в руках, сотрудник милиции двумя выстрелами убил учителя²².

Удивителен вердикт членов комиссии, созданной после этого происшествия: «Убили, ну и что тут особенного?! Ведь психически ненормальный Лесиков оказал вооруженное сопротивление и был убит милиционером в порядке самозащиты. Дело надо направить на прекращение». Обращает на себя внимание, как РКИ защищала Глотова и Старцева. Вот мнение в РКИ по поводу публикации в газете «Советская Сибирь» по итогам работы первой комиссии, признавшей увольнение незаконным: «Заметка написана пристрастно, с тенденцией ошельмовать секретаря райкома и председателя райисполкома. Первая комиссия занялась собиранием материала на секретаря Глотова по закоулкам, через беспартийных, и в конечном результате материал получился однобокий, с пристрастным освещением сущности дела. Не было видно, чтобы со стороны тов. Глотова или бюро райкома в целом было командование или нарушение принципа демократии».

Только после убийства Лесикова окружная прокуратура провела расследование, и судебно-медицинская экспертиза в своем резюме записала: «Страдал неврастением, не обнаруживая признаков психической болезни».

В марте 1929 г. выездная сессия Сибирского краевого суда в с. Тальменка рассмотрела уголовное дело об убийстве учителя Лесикова. Суд приговорил Глотова к трем годам лишения свободы, Логунова – к 2,5 годам заключения. По ходатайству прокурора суд постановил привлечь к ответственности бывшего председателя райисполкома Старцева, Куликова и Лебедева – главных зачинщиков травли Лесикова. Их дальнейшая судьба неизвестна.

Представляется, что дело по обвинению Глотова и других завершилось подобным образом только потому, что оно

²² Советская Сибирь.– 1929.– 9 марта.

получило общесоюзную и региональную огласку, из-за публикаций в газетах «Правда» (фельетон М. Кольцова от 23 ноября 1928 г. под названием «Красиво как в кино»), «Советская Сибирь», «Красный Алтай» и др.

Бюрократия, привыкшая к безнаказанности, оставалась на местах и продолжала творить свои преступные дела. Не случайно Сибрайисполком в своем отчете о проделанной работе констатировал: «За истекшие два года (1928–1929 гг. и 1929–1930 гг.), особенно в 1929–1930 гг., имелись многочисленные и ничем не оправданные случаи нарушения материально-правового положения учительства: массовые перемещения, преследования, задержки выдачи зарплаты, плохого снабжения продовольствием и промтоварами и т.д. Это привело к колоссальному отсеву учительства. За 1929–1930 гг. ушло с просвещенской работы 1087 чел., или 17% всего учительства. Рики должны создать учительству все необходимые условия для его общественной и культурно-просветительской деятельности»²³.

С сожалением приходится констатировать, что и сегодня отношение к педагогам и учителям далеко от требований задач

модернизации экономики России. И в чем-то здесь оставили свой след события далеких 1920-х гг.

²³ 1929–1930. Отчет Западно-Сибирского краевого исполнительного комитета Советов. Новосибирск. 1931. – С. 62.